

После развода. Начать сначала

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

После развода. Начать сначала

<https://litres.ru/74425602>

SelfPub; 2026

Аннотация

После аварии Светлана не помнит пятнадцать лет жизни. Ей кажется, что она всё ещё замужем за Вадимом — мужчиной, который был её любовью и опорой. Но реальность другая: развод, другая женщина, разбитая семья.

Вадим решает притвориться мужем, чтобы не ранить её. Но старые чувства вспыхивают снова.

Он уже не тот, кем она его помнит.

А она — должна вспомнить, чтобы решить: простить или уйти навсегда.

Любовь. Предательство. Память, которую нельзя вернуть — и сердце, которое помнит всё.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	32
Глава 3	44
Глава 4	57
Глава 5	64
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ульяна Соболева

После развода.

Начать сначала

РАЗВОД В 45. НАЧАТЬ СНАЧАЛА

Ульяна Соболева

Аннотация:

После аварии Светлана не помнит пятнадцать лет жизни. Ей кажется, что она всё ещё замужем за Вадимом — мужчиной, который был её любовью и опорой. Но реальность другая: развод, другая женщина, разбитая семья.

Вадим решает притвориться мужем, чтобы не ранить её. Но старые чувства вспыхивают снова.

Он уже не тот, кем она его помнит.

А она — должна вспомнить, чтобы решить: простить или уйти навсегда.

Любовь. Предательство. Память, которую нельзя вернуть
— и сердце, которое помнит всё.

ХЭ

Пролог

Этот мужчина появится не громко — как будто тень легла на твою судьбу, как будто изменилась сама структура воздуха. Он не будет врыватьсЯ с криками, не станет расшвыривать мебель, не устроит бедлам. Он войдёт тихо, как порыв вечернего ветра в распахнутое окно, и сначала ты даже не заметишь, как перестала дышать.

Есть особая магия в том, как некоторые люди проникают в нашу жизнь. Они не ломают двери, не штурмуют крепости нашего сердца в лоб. Они находят потайные ходы, те тайные тропки в душе, о существовании которых ты сама не подозревала. Они приходят мягко, почти невесомо, как первые снежинки, которые ложатся на горячую ладонь и тают, не оставляя следа. Но именно эта невесомость и становится их главным оружием — против неё нет защиты, потому что ты не видишь угрозы.

Он возникнет в тот самый момент, когда ты почти научилась жить заново — осторожно, на цыпочках, чтобы не разбудить боль, когда шрамы на душе стали едва заметными, а сердце, хрупкое, как фарфор, только-только начало вновь биться в правильном ритме. Именно тогда, когда ты поверила, что худшее позади, что можно расслабиться и позволить себе немного счастья. Именно в этот момент максимальной уязвимости судьба и наносит свой следующий удар.

Потому что Вселенная обладает странным чувством юмора. Она ждёт, когда ты залижешь раны, когда поверишь в завтрашний день, когда начнёшь строить планы. И только тогда посылает тебе того, кто всё изменит. Кто сделает тебя счастливой — ровно настолько, чтобы последующая боль показала невыносимой.

Он не спросит, ждёшь ли ты его, не посмотрит в глаза в поисках разрешения. Он просто возьмёт тебя за руку — и повлечёт за собой, будто давно уже имеет на это право. Будто ты принадлежала ему ещё до рождения, будто вся твоя жизнь была лишь подготовкой к встрече с ним. В его прикосновении будет что-то знакомое, что-то такое, что заставит забыть обо всех предыдущих прикосновениях, обо всех других руках, которые когда-либо касались твоей кожи.

Ты почувствуешь его голос, как бархатную волну, мягко накатывающую на берег твоего сознания. Низкий, чуть хриплый, с едва заметными нотками усталости — голос мужчины, который многое видел, многое знает, многое пережил. Его слова будут звучать в тебе, словно позабытая мелодия, что-то родное и щемящее, что ты не можешь ни вспомнить, ни выкинуть. Они будут проникать под кожу, растворяться в крови, становиться частью твоего дыхания.

Каждый его смех будет отзываться в твоей груди, как колокольный звон. Каждое произнесённое им слово ты будешь прокручивать в голове десятки раз, ища в нём скрытые смыслы, намёки, обещания. Ты будешь засыпать под звук его го-

лоса в памяти и просыпаться от того, что снилось, как он шепчет твоё имя.

Его прикосновения окажутся не просто телесными — в них будет присутствовать нечто глубже, чем кожа, чем плоть. Они войдут в тебя, как огонь входит в дерево: тихо, но бесповоротно. Каждое касание будет оставлять невидимый след, как будто он метит тебя, делает своей территорией. Его пальцы будут знать дорогу по твоему телу лучше, чем ты сама, найдут те места, о существовании которых ты не подозревала.

И с каждой новой встречей ты будешь терять себя — не в нём, нет, — а в той версии себя, которую он оживит. Он покажет тебе женщину, которой ты можешь быть рядом с ним: страстной, желанной, живой до кончиков ногтей. Ты увидишь себя его глазами и поразишься — неужели это ты? Неужели ты можешь быть такой красивой, такой притягательной, такой... нужной?

Ты перестанешь понимать, где границы твоего "я", и когда это случилось — когда он стал всем. Твои мысли будут вертеться вокруг него, как планеты вокруг солнца. Твои планы будут подстраиваться под его желания. Твои сны будут населены его образами. Ты растворись в нём так полно, что забудешь вкус одиночества, забудешь, как это — быть самодостаточной.

Он может выглядеть по-разному: быть обычным, даже не слишком запоминающимся, или наоборот — притягивать

взгляды одним только присутствием. Может быть высоким и широкоплечим, а может — среднего роста, с мягкими чертами лица. Может носить дорогие костюмы или предпочитать джинсы и футболки. Всё это не важно.

Но дело не в красоте, не в чертах лица или строении тела. Всё решит то, как он двигается, как держит взгляд, как говорит, будто в каждом слове заключено заклинание. В его манерах будет столько силы и внутреннего магнетизма, что ты забудешь, как звали тебя до него. Он будет двигаться с уверенностью хищника, знающего свою силу, но не афиширующего её. Его взгляд будет проникать прямо в душу, читать твои мысли, предугадывать желания.

В нём будет что-то первобытное, что-то такое, что заставит забыть о цивилизации, о правилах приличия, о том, что принято, а что нет. Рядом с ним ты почувствуешь себя самкой, готовой следовать за вожаком стаи. И это будет одновременно пугающе и опьяняюще.

Ты перестанешь видеть мир как прежде. Цвета станут ярче, звуки — отчётливее, запахи — насыщеннее. Всё вокруг потеряет смысл, если рядом нет его — твоей опоры, твоего шторма, твоего ядра. Дни без него будут тянуться как годы, а часы рядом с ним будут пролетать как мгновения.

Он войдёт в твою жизнь не как человек — как вселенная. Как новая реальность, в которой действуют другие законы физики. Ты будешь смотреть на него с трепетом, ощущать его дыхание, как напоминание о жизни, впитывать его при-

сутствие, как пустыня впитывает первый дождь за много лет.

Каждая встреча с ним будет праздником и пыткой одновременно. Праздником — потому что ты снова увидишь его, услышишь его голос, почувствуешь его запах. Пыткой — потому что будешь знать: это закончится, он уйдёт, и ты останешься ждать следующей встречи, как наркоман ждёт новую дозу.

Он станет твоей правдой, твоим смыслом, твоим светом и тьмой. С ним ты будешь смеяться так, как никогда раньше — до слёз, до боли в животе, до потери дыхания. Ты будешь плакать так, как не плакала даже в одиночестве — горько, отчаянно, всем телом. Ты будешь чувствовать всё — сильнее, ярче, глубже. С ним жизнь перестанет быть серой повседневностью и превратится в калейдоскоп эмоций.

С ним ты впервые согласишься, что стала настоящей. Что до встречи с ним ты была лишь чёрно-белой фотографией, а он добавил в твою жизнь цвет. Что ты наконец обрела себя — ту, которой должна была быть с самого рождения.

Но всё это — лишь обман. Иллюзия, вырезанная из самых тонких нитей твоих желаний. Мираж, который растворится, едва ты попытаешься к нему прикоснуться. Потому что мужчины такого типа — мастера иллюзий. Они показывают тебе не себя настоящего, а того, кого ты хочешь видеть. Они как зеркала, отражающие твои глубинные потребности и выдающие их за свою сущность.

Потому что он не из тех, кого можно удержать. Он как

ветер — можно почувствовать его силу, можно упиваться его свежестью, но заключить в клетку невозможно. Ты можешь думать, что изменила его, что он стал мягче, приручённее, добрее — но всё это будет временно. Видимость, за которой скрывается его истинная природа.

Он — дикий зверь, что заблудился в тебе на время. Он не останется — потому что не умеет. Не построит — потому что не хочет. Не будет держать твои дрожащие пальцы в момент, когда всё рушится — потому что к тому времени его уже не будет рядом.

Мужчины его типа не созданы для постоянства. Они кочевники по природе, завоеватели, которые теряют интерес к территории, едва её захватив. Им нужен адреналин новых побед, острота неизвестности, вкус запретного плода. А ты, познанная и покорённая, перестанешь быть интересной.

Он уйдёт. Не с болью — с холодной точностью. Не мучаясь от разлуки — с облегчением человека, сбросившего надоевшие оковы. Уйдёт к другой — молодой, свежей, не обременённой багажом прошлых отношений. И ни дети, ни совместные годы, ни прожитые слёзы не остановят его.

Потому что для него вы все — временные пристанища на пути к неведомой цели. Порты, в которых можно переждать шторм, но не швартоваться навсегда. Он будет помнить тебя с нежностью, но без сожаления. Как помнят красивый пейзаж, мимо которого проезжали в поезде.

Ты останешься одна, с пустотой, звенящей в груди, с во-

просами, на которые никто не даст ответа. Почему именно ты? Почему именно сейчас? Что ты сделала не так? Где была твоя ошибка? Будешь искать виноватых в зеркале, в прошлом, в звёздах, в чём угодно — только не в нём. Потому что признать, что любила негодяя, больнее, чем винить себя.

Будешь винить себя — за то, что поверила, что доверилась, что полюбила. За то, что не увидела подвоха, не почувствовала обмана, не сбежала, пока было время. За собственную наивность, глупость, слепоту. И эта вина будет разъедать изнутри, как кислота.

Но всё уже случилось. Поезд ушёл, мосты сожжены, слова сказаны. И то, что останется тебе — это тишина, в которой будет пульсировать лишь одно: он разрушил, а собирать — тебе. Он ушёл налегке, а ты осталась разгребать обломки того, что когда-то называлось твоей жизнью.

Тебе предстоит научиться жить заново. Без него. Без его голоса, его прикосновений, его присутствия. Собирать себя по кусочкам, как разбитую вазу, надеясь, что клей окажется достаточно прочным. Заново учиться быть одной, заново находить смысл в простых вещах, заново верить в завтрашний день.

И это будет конец. Конец наивности, конец слепой веры, конец готовности отдать всё ради любви.

Или начало — тебя настоящей. Женщины, которая прошла через огонь и не сгорела. Которая познала боль и выжила. Которая больше никогда не позволит себе раствориться

в другом человеке без остатка.

Возможно, именно для этого он и приходил в твою жизнь — чтобы разрушить старую тебя и освободить место для новой. Сильной. Мудрой. Непрístupной.

Или всё было просто случайностью. Игрой судьбы. Злой шуткой Вселенной.

Время покажет.

Глава 1

Я сидела в своей студии, откинувшись на спинку высокого кресла, стараясь замедлить дыхание. Казалось, сама комната подстраивалась под мой ритм — тишина дышала вместе со мной: ровно, спокойно, будто мы давно договорились. Здесь всё было частью моего внутреннего мира. Сдержанные серо-бежевые стены, рассеянный мягкий свет, падающий под идеально выверенным углом, аккуратно разложенные журналы по архитектуре, ровные линии и безупречный порядок — всё говорило о том, что это пространство создано мной и для меня.

Это была моя точка опоры. Моя территория покоя. Единственное место в мире, где я чувствовала себя хозяйкой положения.

Я всегда жила по принципу: «Контроль — это безопасность». Малейшее нарушение гармонии вызывало во мне острый внутренний диссонанс, который я могла заглушить только действием — работой, проектом, расчётами. Всё должно быть правильно. Как линии на чертеже, как перспектива, выведенная до миллиметра. Как жизнь, которую я старательно собирала по кусочкам после того урагана, что пронёсся через неё пятнадцать лет назад.

На столе передо мной стоял макет загородного дома —

почти завершённый, вылепленный с любовью и вниманием к каждой детали. Белоснежный, с идеальными пропорциями, с большими окнами, обещающими уют и тепло. Я провела пальцем по крохотным оконным рамам, белоснежным и ровным, по изящным колоннам, поддерживающим балкон, и ощутила привычное, тихое удовлетворение.

В моей голове этот дом уже существовал: я слышала, как по его деревянному полу проходят шаги, как в просторной кухне кто-то смеётся, как солнечный свет мягко скользит по стенам. Видела детей, бегающих по саду, женщину, поливающую цветы, мужчину, читающего газету на террасе. Полную семью. Счастливую семью. То, чего у меня никогда не было. И, возможно, уже никогда не будет.

Для меня каждый проект был не просто работой. Это был акт восстановления. Шанс создать уголок идеального мира — пусть и не для себя. Возможность поверить, что где-то существует место, где люди не предают друг друга, где любовь длится вечно, где дети растут в атмосфере понимания и заботы.

Я знала: если бы не работа, меня бы утянуло в ту самую воронку, куда я скатилась после развода. Бессонные ночи, слёзы в подушку, бесконечные вопросы без ответов. Зачем? Почему? Что я сделала не так? Работа спасла меня от самоуничтожения. Дала цель, смысл, причину вставать по утрам.

Но теперь я управляла хаосом. Создавала порядок из обломков собственной жизни. И чёрт возьми, у меня это полу-

чалось.

Я провела рукой по длинным пшеничным волосам, уложенным в идеальные мягкие волны. Они ниспадали по плечам, подчёркивая черты лица и добавляя образу женственности, строгости и собранности одновременно. Это был мой щит — утончённый, выверенный до мелочей. Каждое утро я создавала эту версию себя: уверенную, успешную, неприступную.

Макияж был лёгким, но продуманным: естественный тон, скрывающий следы усталости и бессонных ночей, лёгкий блеск на губах, голубые глаза, подчёркнутые тушью, и тот самый спокойный взгляд, в котором я давно научилась прятать ураганы. За этими глазами скрывалось столько боли, что хватило бы на несколько жизней. Но никто об этом не догадывался.

Каждая деталь имела значение. Узкие чёрные брюки подчёркивали стройность ног, которую я поддерживала регулярными тренировками — не из любви к спорту, а из потребности контролировать хотя бы собственное тело. Серый кашемировый свитер добавлял тепла и уюта в общий образ, но это было обманчивое тепло. Внутри я оставалась холодной как лёд.

Всё было выстроено: от одежды до интонации, от жестов до мыслей. Я была архитектором не только домов, но и собственной личности. И если мне удалось возвести эту конструкцию из пепла собственной разрушенной жизни, значит,

я справлюсь с чем угодно.

Мой взгляд скользнул по рабочему столу: остро заточенные карандаши, выстроенные в ряд по размеру, аккуратные папки с образцами тканей, каждая подписана и классифицирована, тонкий ноутбук с безупречно чистым экраном. Даже хаос имел свою систему — каждый эскиз, каждая заметка лежали на своём месте.

Моя студия была отражением меня самой. Зайди сюда любовью — и ты поймёшь, кто я такая. Та, кто научилась не сдаваться, даже когда под ногами рушился мир. Та, кто превратила боль в силу, слёзы — в мотивацию, разочарование — в броню.

Я посмотрела на часы. 19:42. Вечер только начинался, а мне предстоял важный разговор. Олег должен был прийти через час, и я хотела, чтобы всё прошло идеально. Он заслуживал этого. Мы оба заслуживали шанса на счастье.

На соседнем стуле стоял торт — лёгкий, воздушный, с карамельной начинкой и нежным кремом. Я выбирала его больше часа в кондитерской, изучая каждый вариант с серьёзностью архитектора, планирующего фундамент небоскрёба. Хотелось, чтобы всё, наконец, стало красивым. Правильным. Спокойным. Хотелось верить, что такая мелочь, как идеальный торт, может стать символом идеальных отношений.

Я позволила себе лёгкую улыбку — первую искреннюю за весь день. Олег... спокойный, интеллигентный, с мягкой

теплотой во взгляде, он казался тем, кто мог заполнить ту зияющую пустоту, что всё ещё медленно ела меня изнутри. Не страстно, не ураганом — тихо, нежно, как тёплый дождь заполняет пересохшую землю.

С ним я чувствовала себя в безопасности. Рядом с Олегом не нужно было постоянно быть начеку, ожидать подвоха, анализировать каждое слово и жест. Он был предсказуем в лучшем смысле этого слова. Надёжен, как швейцарские часы.

И вдруг, неожиданно и грубо, в голове всплыло имя, которое я давно старалась забыть.

Вадим.

Я замерла, будто кто-то резко открыл окно, и в комнату ворвался ледяной ветер. Имя сжалось в голове, как капкан, выпуская на волю воспоминания, которые я так старательно запирала. Внутри что-то кольнуло, всплыла неясная тень раздражения, вперемишку с болью, которую я давно загнала вглубь.

Зачем он вспомнился сейчас? В этот момент, когда я готовилась к новому этапу жизни? Когда наконец решилась открыть сердце другому мужчине?

Я была уверена, что уже пережила его. Всё кончилось. Развод остался позади — десять лет назад, целая эпоха. И боль давно затихла, став тонкой невидимой трещиной, что едва отзывается при изменении внутреннего давления. Как старая травма, которая ноет только в дождливую погоду.

Теперь его голос звучал лишь в словах детей — "Папа сказал..." или "У Кристины получается..." — фразы, которые каждый раз приоткрывали ту коробку с воспоминаниями, которую я сама спрятала на самом дне своей памяти. Дети не виноваты. Они любят отца, и это нормально. Но каждое упоминание его имени было как укол иглой — быстро, почти незаметно, но больно.

Я не отрицала, что любила Вадима. Когда-то он был для меня всем. Моим домом. Моим будущим. Моей верой в то, что любовь — это навсегда. Он был мужчиной, который заставил меня поверить в сказку. Красивой, яркой сказке, где принц не покидает принцессу ради младшей сестры.

Я помнила, как смотрела на него, восхищённо и с тихим трепетом, как верила в каждое его слово, как чувствовала себя защищённой, нужной, любимой. В его объятиях я была не просто Светланой — я была его женщиной, матерью его детей, его половинкой. Мы мечтали, строили планы, жили одним будущим... пока не разрушили всё.

Точнее, пока он не разрушил.

Он умел шутить, умел разряжать обстановку, даже в самые напряжённые моменты. Его уверенность, его решительность, способность держать ситуацию под контролем — всё это когда-то было частью той любви, которая наполняла меня до краёв. Любви, которая казалась вечной, нерушимой, как скала среди морских волн.

Но у любой любви есть предел. Есть точка, после которой

она превращается в пытку.

Я помню, как наша семья начала трещать. Сначала Вадим стал немного тише, чуть холоднее. Приходил домой уставший, рассеянный, словно мысли его были заняты чем-то более важным, чем семья. Потом — раздражённым, отстранённым. Каждый мой вопрос встречал вздохом, каждая просьба — недовольным взглядом.

А после — вовсе чужим. Как будто в доме поселился незнакомец, носящий лицо моего мужа.

Бесконечные звонки «по работе», которые он принимал в другой комнате, говоря тихо и осторожно. Поздние приходы с объяснениями про срочные проекты и важных клиентов. Отрешённый взгляд, когда я что-то рассказывала о детях, о доме, о нас. Как будто я была фоновым шумом в его жизни.

Я всё это видела, чувствовала каждой клеткой, но продолжала делать вид, будто всё в порядке. Так проще. Так безопаснее. Так меньше больно. Я убеждала себя, что это временно, что у него просто сложный период на работе, что он вернётся ко мне, когда всё уладится.

Глупая. Наивная. Слепая.

А потом оказалось, что с ним — она. Кристина. Моя подруга. Та, с кем я делилась самым личным, кому доверяла свои страхи, радости, рассказывала про Вадима... слишком много, как теперь понимаю. Она знала о каждой нашей ссоре, о каждой проблеме, о каждой слабости нашего брака. И использовала эту информацию против меня.

Как долго они смеялись надо мной? Как долго я была просто удобной крышей для их романа? Как долго играла роль дурочки, которая ничего не замечает?

Но, быть может, дело было не в ней. А в нём. Или в нас. В том, что мы перестали видеть друг друга. В том, что рутина засосала нас, как болото.

Я долго не признавалась себе, сколько ночей провела, прокручивая в голове сравнения. Кристина казалась мне красивее — ухоженные каштановые волосы, безупречная улыбка, тот самый показной лоск, от которого у мужчин сносит голову. Подтянутая фигура, дорогая одежда, умение подать себя. Она всегда умела притворяться доброй, понимающей, всегда была готова выслушать и дать совет.

Я хотела её видеть настоящей — но не увидела. Не разглядела за маской подруги хищника, который терпеливо ждал своего часа.

"Она ведь тоже когда-нибудь надоест ему", — думала я тогда, когда боль была ещё острой, сочной, живой. Когда я ещё надеялась, что он опомнится, поймёт свою ошибку и вернётся. Сейчас эти мысли кажутся мне наивными. Слабыми. Женскими в худшем смысле этого слова.

Он не вернулся. Прошло десять лет, а он так и не вернулся.

Мои дети были моей точкой опоры в те страшные месяцы после развода. Маша, старшая, давно уже перестала рассказывать мне, что у неё на душе. Она повзрослела слишком

рано и всё чаще вставала на сторону отца — возможно, потому что он был слабым местом и для неё. Или потому что винила меня в том, что семья развалилась.

Артём... в нём слишком много от Вадима. Его взгляды, твёрдый подбородок, манера стоять, как будто никому ничего не должен. Иногда мне казалось, что он смотрит на меня с укором — будто я разрушила что-то важное. Будто это я была виновата в том, что папа ушёл.

Но Соня... Соня оставалась моей маленькой тихой радостью. Её ладошки, её взгляд, её доверчивое "мама" — всё это держало меня на плаву в те тёмные дни, когда хотелось просто лечь и не вставать. Она была слишком мала, чтобы понимать, что происходит, и я берегла её от правды как могла.

Когда дети рассказывали про выходные у отца — про Вадима, про Кристинины пироги, про велосипедные прогулки и кино — я улыбалась. Я спрашивала детали, делала вид, что слушаю с интересом, радуюсь их радости. Потому что хотела сохранить хоть какой-то мост между нами. Хоть ниточку. Хоть крошечную связь.

Но каждое такое воспоминание резало по живому.

Я глубоко вдохнула и встала из-за стола. Через окно студии был виден вечерний город — огни в окнах, силуэты людей, спешащих домой. К семьям, к уютным кухням, к привычному счастью. Весенний воздух за окном пах талой водой и пробуждающейся землёй, обещал новую жизнь, новые возможности.

Я чувствовала, как мои воспоминания пытаются снова пробиться сквозь толщу сознания, как призраки прошлого протягивают ко мне свои холодные руки. Но я не хотела им позволять. Не сегодня. Не сейчас, когда у меня есть шанс на новое начало.

Вадим остался в прошлом. Его хмурый взгляд, его уставшие отговорки, его жизнь с Кристиной — всё это больше не имело власти надо мной. Я построила новую жизнь. Красивую, упорядоченную, безопасную. И я не позволю воспоминаниям её разрушить.

"Я заслуживаю счастья," — тихо сказала я, словно в этом признании было что-то запрещённое.

Десять лет я жила одна. Растила детей, строила карьеру, создавала видимость того, что всё прекрасно. Десять лет я была сильной, независимой, самодостаточной женщиной. Разве я не заработала право на немного тепла? На мужские руки, которые не предадут? На любовь без подвохов и задних мыслей?

Олег... уравновешенный, внимательный, надёжный. В нём не было той дикой страсти, что когда-то связывала меня с Вадимом, но была тепло укутанная стабильность. И, может быть, именно это мне было нужно. Не огонь, который может сжечь, а тихое пламя, которое согреет и не обожжёт.

Я посмотрела на коробку с тортом и слабо улыбнулась. Сегодня всё будет хорошо. Мы поужинаем, поговорим, может быть, выпьем вина. Я расскажу ему о новом проекте, он

— о своих планах. Тихо, спокойно, по-взрослому. Без бурь и потрясений.

"Я заслуживаю этого," — повторила я чуть громче, как будто пыталась убедить не только себя, но и весь мир.

Но в глубине души знала: воспоминания о Вадиме — как старая мелодия, однажды услышанная и намертво вжившаяся в сознание. Её можно приглушить. Её можно заменить новой. Но не выключить совсем. Где-то в дальнем углу памяти она будет звучать всегда — тихо, едва слышно, но постоянно.

И это нормально. Это часть меня. Часть моей истории. Шрам, который напоминает о том, что я выжила.

Я взяла сумку, ключи от машины и направилась к двери. За окном начинался дождь — первый весенний дождь, который смывает зимнюю грязь и даст жизнь новым росткам. Очень символично.

Время ехать. Время начинать новую главу.

Весенний дождь шёл плотной стеной, превращая мир за лобовым стеклом в размытую акварель. Тонкие струи стекали по стеклу, будто кто-то плёл водяную завесу, стараясь скрыть от меня всё лишнее. Ветер срывался порывами и трепал ветви деревьев, что склонялись к дороге, как будто шептали о чём-то своём.

Стеклоочистители скользили по стеклу в ритме, который должен был убаюкивать — но вместо этого раздражал. Скрип-скрип, скрип-скрип, как метроном, отсчитывающий

последние секунды чего-то важного.

Внутри меня росло раздражение, острое и необъяснимое. Может быть, дело было в дожде, который рушил мои планы. А может, в тех воспоминаниях, что я так неосторожно выпустила на волю в студии.

Мои пальцы крепко обхватывали руль — слишком крепко, суставы побелели от напряжения. Воздух в салоне оставался прохладным, несмотря на тёплый воздух из дефлекторов. Кондиционер гудел монотонно, как будто жаловался на погоду.

Я снова посмотрела на часы — 19:58. Я опаздывала. И это выводило из себя больше, чем следовало.

Вся картина идеального вечера, нарисованная в голове, начинала рассыпаться: торт на столе, мягкий свет, бокал вина, спокойный разговор. Всё должно было быть именно так — чисто, спокойно, как новый лист. Но дорога, дождь, эта проклятая фура впереди — всё как будто сговорилось испытать моё терпение.

Фура тащилась впереди, как гигантский ленивый слон, не обращая внимания на очередь машин, скопившуюся сзади. Красные огни габаритов мигали в дождевой пелене, как злые глаза. Водитель, видимо, решил не рисковать в такую погоду — разумно, но чертовски неудобно для остальных.

Я сбросила скорость, выравнивая машину. Красные огни грузовика впереди то исчезали в дождевом мареве, то вновь вспыхивали, будто дразнили. Я подалась вперёд, пы-

таясь разглядеть обочину, просчитать возможность обгона.

Встречная полоса была свободна — во всяком случае, настолько, насколько можно было разглядеть сквозь водяную завесу.

"Обгоню — и выдохну", — сказала я вслух, и мой голос прозвучал в салоне странно. Слишком напряжённо для такой простой манёвра.

Но я знала, что дело не в обгоне. Дело в контроле. В том, что я не могу позволить дождю, дороге, чужому грузовику диктовать мне условия. Я управляю ситуацией. Я всегда управляю ситуацией.

Я включила поворотник, взялась за руль крепче и нажала на газ. Машина мягко, но уверенно пошла в обход. Под колёсами хлюпнуло, будто весна сама пыталась остановить меня. Асфальт был скользким, предательским, но я справлялась. Я за рулём больше двадцати лет. Я справлялась с куда большим.

Я обгоню. И выдохну. Потому что мне нужно это: не просто доехать, а победить. Доказать себе и миру, что я контролирую свою жизнь.

Но дождь не утихал. Он барабанил по капоту с нарастающей настойчивостью, а дорога становилась всё более скользкой. Лёд, оставшийся после зимы, прятался под тонкой плёнкой воды, и я чувствовала, как шины всё чаще поддаются этой предательской смеси из влаги и старого льда.

Машина шла ровно, слушалась руля, но что-то в её пове-

дении настораживало. Едва заметная вибрация, лёгкий снос на поворотах. Дорога была хуже, чем казалось.

— Спокойно, — прошептала я себе. — Ты за рулём двадцать лет. Ты справишься.

Я крепче сжала руль, сохраняя уверенность в каждом движении. Фура оставалась справа, я почти её обогнала. Ещё немного — и можно будет перестроиться обратно. Ещё чуть-чуть...

Но в следующую секунду всё пошло не так.

Фура, медленно ползущая справа, вдруг остановилась. Её задние колёса сорвались в занос, и многотонная туша развернулась поперёк обеих полос. Водитель потерял управление — видимо, тоже переоценил сцепление с дорогой.

— Чёрт, — выдохнула я и резко дёрнула руль вправо, стараясь увести машину в сторону, избежать удара.

Автомобиль послушался, но рывок оказался слишком резким. На мокром асфальте это было всё равно что дёрнуть за поводья испуганной лошади. Всё вокруг резко потеряло устойчивость.

Мир закружился. Свет фар размазался в полосы. Серые капли на лобовом стекле превратились в водяной вихрь. Скрежет шин, крик тормозов, хруст металла, и вот уже машина вращается на мокром асфальте, как лист, сорванный первым весенним ветром.

Время растянулось, как жевательная резинка. Каждая секунда длилась вечность. Я видела, как приборная панель на-

клоняется, как предметы в салоне сдвигаются с места, как коробка с тортом медленно соскальзывает с сиденья.

Я изо всех сил пыталась вернуть управление, выровнять корпус, удержать машину на дороге, но сцепление с асфальтом исчезло. Колёса крутились в пустую, руль не слушался. Машина летела, не подчиняясь законам физики и здравого смысла.

Фары встречного автомобиля вспыхнули прямо в лицо — яркие, слепящие, полные обещания неминуемого столкновения. Я рефлекторно зажмурилась и крутанула руль влево, надеясь выровнять курс.

Но почувствовала, как корпус накреняется. Гравий под колёсами предательски захрустел, и я поняла — машину несёт на обочину. На отбойник.

В следующую секунду раздался удар. Глухой, мощный, как удар сердца в рёбра. Машина врезалась в отбойник боком, металл встретился с металлом в диком танце разрушения.

Всё замедлилось. Пространство превратилось в вязкую плёнку. Моё тело резко метнуло вбок, ремень безопасности врезался в грудь, не давая вылететь. Мне стало трудно дышать — от резкой боли, от страха, от осознания, что я теряю контроль над ситуацией. Теряю контроль над жизнью.

Раздался новый, хищный звук — кузов скрежетал по металлу, будто жаловался, умолял о пощаде. Машина перевернулась. Мир встал с ног на голову. Где-то рядом звякну-

ло стекло, осыпаясь мелкими бриллиантами на чёрный асфальт.

И вдруг наступила пауза. Страшная, полная звенящей тишины. Как будто мир задержал дыхание, пытаясь понять, что же произошло.

Я повернула голову, и боль прошла шею. Коробка с тортом, что лежала на соседнем сиденье, сорвалась и упала. Крышка распахнулась, и вся шоколадная начинка, которую я так тщательно выбирала, растеклась по полу, испачкав обивку и мои планы на вечер.

Бисквит размок в луже воды, просочившейся через разбитое стекло. Карамельный крем смешался с грязью. Всё, что должно было стать символом нового начала, превратилось в месиво.

Вот и всё. Всё, что я хотела. Всё, чего ждала — в одну секунду обернулось мокрым, сладким пятном на полу машины.

Мой взгляд застыл на лобовом стекле. Оно покрылось сетью трещин, будто кто-то небрежно разрисовал его острым предметом. Сквозь них я видела весенний дождь — равнодушный, безликий, такой же холодный, как лицо прошлого.

Капли стекали по трещинам, как слёзы по морщинам старого лица. И в этих каплях я увидела отражение собственной жизни — такой же разбитой, такой же склеенной из осколков.

Боль пронзила грудь — не от ударов, а от понимания. Я

потеряла контроль. Впервые за десять лет я полностью потеряла контроль над ситуацией. И это пугало больше, чем физическая боль.

"Дождь..." — подумала я, и мысли стали вязкими, медленными.

И вслед за этим, как эхо из прошлого:

"Вадим... он не узнает, что я ещё..."

Мысль не завершилась. Не могла завершиться. Потому что тогда пришлось бы признать, что спустя десять лет после развода, спустя годы работы над собой, спустя все попытки построить новую жизнь — я всё ещё думаю о нём.

Всё ещё люблю его.

Всё ещё надеюсь.

Силы покидали меня, как вода вытекает из дырявого ведра. Сознание ускользало, как туман, тающий в промозглом, тяжёлом воздухе весны. Веки становились тяжёлыми, дыхание — прерывистым.

Где-то вдалеке завывали сирены. Или это мне казалось? Голоса, шаги, стук дождя по металлу. Мир распадался на звуки, запахи, ощущения.

Только капли. Только хрип тормозов, которые уже стихли. Только разбитое стекло, отражающее последние лучи заходящего солнца.

И я — среди весеннего дождя, ставшая частью аварии, которой не должно было быть. Частью хаоса, который я так боялась и от которого так старательно убегала всю жизнь.

Последней мыслью было удивление: оказывается, от судьбы не убежишь. Оказывается, контроль — это иллюзия. А жизнь — это то, что происходит с тобой, пока ты строишь планы.

Темнота накрыла меня мягко и безжалостно. Как объятия, которые душат. Как любовь, которая убивает.

Как прошлое, которое не отпускает.

Глава 2

Свет бил в глаза — яркий, резкий, как весеннее солнце, неожиданно вырвавшееся из-за туч. Он был слишком слепящим, слишком живым, словно белая вспышка молнии, застывшая в воздухе. Казалось, он пытался проникнуть внутрь, в самую суть, прожечь череп, вытянуть на поверхность то, что спряталось в глубинах моей памяти. Я попыталась повернуть голову, но мышцы не слушались — всё тело было будто залито бетоном, неподвижное, тяжёлое.

Постепенно ко мне возвращалось осознание собственного тела. Кожа была странно чувствительной — даже лёгкое прикосновение больничной простыни казалось грубым, царапающим. В голове пульсировала тупая, ноющая боль, словно кто-то методично стучал молотком по черепу изнутри. Каждый звук отдавался эхом в висках — шорох халатов, скрип колёс каталки в коридоре, даже собственное дыхание.

Руки... казались не моими. Безжизненные, отстранённые, как будто кто-то подменил их на чужие, бесполезные. Кожа была бледной, почти прозрачной, с синеватыми прожилками вен, которые проступали слишком ярко. На тыльной стороне левой ладони красовался пластырь, под которым угадывался след от капельницы — маленькая, болезненная точка, окружённая лиловым синяком. Пальцы не хотели сжиматься

в кулак, словно забыли, как это делается.

Я лежала, утопая в вязком ощущении слабости, как будто каждую клетку залили густым, липким сиропом. Мышцы не держали, суставы ныли, даже простое движение бровями требовало усилий. Дышать было трудно — воздух заходил обрывками, неровно, грудь сдавливала невидимая тяжесть. Лёгкие работали, но каждый вдох давался с трудом, словно я забыла, как дышать естественно.

Запах. Острый, химический, въедливый. Дезинфекция смешивалась с чем-то металлическим, больничным — запахом стерильности и человеческого страдания, въевшимся в стены, в простыни, в сам воздух. Он щекотал ноздри, заставлял сердце биться быстрее от подсознательной тревоги. Где-то вдалеке пахло едой — пресной, безвкусной больничной кашей, и этот запах почему-то вызывал тошноту.

Шум вокруг был далёким, приглушённым, словно доносился сквозь толщу воды. Писк монитора — ровный, навязчивый, отсчитывающий удары моего сердца. Неразборчивые голоса за дверью — женский, взволнованный, и мужской, пытающийся успокоить. Чьи-то торопливые шаги по коридору, звук открывающихся и закрывающихся дверей. Где-то далеко плакал ребёнок — тихо, безнадёжно. Всё звучало, как эхо. Как будто я находилась не здесь, а внутри чужого сна, в пространстве, где реальность отступает и становится размытой, нечёткой.

Постепенно я начала различать детали. Потолок надо

мной был белым, с длинными лампами дневного света, одна из которых слегка мигала. Справа стояла какая-то аппаратура — мониторы с цифрами, провода, мигающие лампочки. Всё это выглядело пугающе, по-научному холодно. Капельница. Я была подключена к капельнице, прозрачная трубка тянулась к моей руке.

Я попыталась сглотнуть. Во рту было нестерпимо сухо, язык прилипал к нёбу, словно наждачная бумага. Губы потрескались, кожа на них натянулась, как пергамент. Слюна не вырабатывалась, горло саднило. Сколько я здесь лежала? Часы? Дни? Недели?

Приоткрыла губы. Хотела что-то сказать, но вырвался только хрип — глухой, нечеловеческий звук, который испугал меня саму. Горло болело, как после долгого крика, как будто я часами звала на помощь, но никто не слышал. Головные связки отказывались работать нормально. Попробовала снова, заставляя их повиноваться:

— Где... я?

Слова прозвучали чужим голосом — слабым, осипшим, едва различимым. Даже собственный голос казался незнакомым.

Передо мной возник силуэт. Мужчина. Белый халат, слегка помятый, со следами долгой смены. Стетоскоп на шее качался при каждом движении. Врач. Возраст — около сорока, может, чуть больше. Тёмные волосы с проседью на висках, усталые карие глаза за очками в тонкой оправе. На ли-

це — щетина, говорящая о том, что он давно не был дома. В его лице было что-то знакомо-человеческое: усталость, сочувствие, и тот самый взгляд — осторожный, как у людей, которым приходится говорить то, что никто не хочет слышать.

— Светлана Сергеевна, — произнёс он мягко, наклоняясь ближе. Голос был тёплым, профессионально спокойным, но в нём слышались нотки осторожности. — Вы в больнице. У вас было дорожно-транспортное происшествие.

Больница? Авария? Эти слова разлетались внутри моей головы, не находя опоры. Сознание не успевало за смыслом, мысли путались, как нити в клубке. Дорожно-транспортное происшествие... Я попыталась вспомнить.

Дорога. Была дорога. Снег? Кажется, шёл снег. Что-то мелькнуло в памяти — белая пелена перед лобовым стеклом, скользкий асфальт, руль, который не слушается. Звук скрежещущего металла. Крик. Мой крик? А потом — пустота.

— Больница... — прошептала я, с трудом узнавая собственный голос.

Он кивнул, продолжая внимательно смотреть на меня, будто ждал, когда я начну по-настоящему понимать происходящее. Его голос был ровным, тёплым, но в глазах скрывалась тревога — та профессиональная тревога врача, который знает больше, чем говорит.

— Вы получили серьёзную черепно-мозговую травму. Была проведена операция. Сейчас вы в безопасности. Состо-

ание стабилизировано.

Стабилизировано. Значит, я была нестабильна. Значит, меня вытаскивали откуда-то. Из пустоты? Из небытия? Операция на мозге... Я инстинктивно попыталась коснуться головы и почувствовала под пальцами бинты. Голова была обмотана, как у мумии.

— Где моя семья? Где... дети? — вопрос сорвался раньше мысли. Он был первым по-настоящему моим, исходящим из самой глубины души.

Врач наклонился ближе, лёгким, успокаивающим движением коснувшись моего плеча сквозь больничную рубашку. Прикосновение было профессиональным, но в нём чувствовалось участие.

— Они здесь. Всё это время вас ждали. Сейчас они за дверью. Но сначала мне нужно убедиться, что вы готовы их видеть.

Готова? Как можно быть не готовой видеть собственную семью?

— Что со мной? — голос дрожал, и я ненавидела эту дрожь, эту слабость. — Что... что со мной не так?

Он немного помедлил, и я почувствовала, как сжалась грудь. В этой паузе крылась какая-то ужасная правда.

— У вас диагностирована ретроградная амнезия. Из-за травмы головного мозга вы можете временно не помнить некоторые события из прошлого. — Он говорил осторожно, подбирая слова. — В большинстве случаев это обратимо.

Память постепенно восстанавливается.

Слова ударили неожиданно — как холодный ветер среди цветущих деревьев. Амнезия? Не помнить? Но я же помню! Я помню всё!

— В большинстве случаев? — переспросила я, цепляясь за эту оговорку. — А если не в большинстве?

Врач опустил взгляд.

— Будем надеяться на лучшее. А пока скажите мне — что вы помните? Какое последнее событие осталось в памяти?

— Какое сегодня число? — спросила я вместо ответа, внезапно ощутив, что мне страшно услышать его ответ.

Пауза. Долгая, тягучая пауза, во время которой мой пульс участился так, что монитор рядом начал пищать чаще. И ответ:

— Сегодня 12 апреля 2024 года.

Я застыла. Мир словно остановился. Даже дыхание прекратилось.

А потом повторила, почти не веря, надеясь, что ослышалась:

— Двадцать четвёртый?..

Голос сорвался. Стал хрупким, детским.

Я попыталась приподняться — боль вспыхнула в груди, в голове, но я вцепилась в край одеяла обеими руками. Всё тело кричало «остановись», но я не могла. Не могла поверить.

— Это ошибка, — выдохнула я, ощущая, как начинается паника. — Вы ошибаетесь. Последнее, что я помню... это

лето. Две тысячи девятый год. Мы с Вадимом собирались на море. Планировали поездку в Крым. Маша... она только-только училась ездить на велосипеде! Ей всего восемь лет!

Я схватилась за голову, будто могла физически выдернуть из неё занавес, за которым спряталась моя жизнь. Пальцы запутались в бинтах. Внутри черепа — пусто. Только обрывки, неясные ощущения, боль.

— Вы ошибаетесь! — голос становился всё громче, истеричнее. — Этого не может быть! Я помню всё! Я помню каждый день!

Но даже говоря это, я понимала — не помню. Между летом 2009 года и этой больничной палатой зияла чёрная дыра. Пятнадцать лет жизни. Пятнадцать лет, которые исчезли, словно их и не было.

Тишина после моих слов была невыносимой. Только писк монитора, ровный и безучастный, и нежный сквозняк от приоткрытого окна, принёсший запах весны — сырой земли, капель с крыш, распутившейся вербы. За окном всё пробуждалось, расцветало, жило. Всё — кроме меня.

Ко мне подошла ещё одна фигура — женщина в белом халате. Невысокая, полная, с добрым лицом и внимательными глазами. Её присутствие почему-то успокаивало.

— Светлана Сергеевна, я понимаю, как вам тяжело, — сказала она мягко. — Но нам нужно убедиться в степени потери памяти. Расскажите мне о своих детях. О том, что вы

помните.

— Где мой муж? Где дети? — Я не ответила на её вопрос, вместо этого с новой силой потребовала: — Я хочу их видеть. Сейчас же!

Слова прозвучали слабее, чем хотелось. Слишком слабо для женщины, у которой только что украли пятнадцать лет жизни.

— Конечно, — кивнула женщина-врач. — Но сначала ответьте на мой вопрос. А что вы помните о своей младшей дочери?

Я застыла. Казалось, комната сжалась, потеряв весь воздух. Слова эхом отдавались в голове: младшей дочери, младшей дочери, младшей дочери...

— Младшей?.. — переспросила я медленно, как будто слово само по себе казалось мне абсурдным. — Нет. Это ошибка. У нас двое детей. Маша и Артём. Девочка и мальчик. Мальчик совсем крошечный, а девочке три года...

Я смотрела на врачей — мужчину и женщину в белых халатах — с отчаянной настойчивостью, как будто могла заставить их сказать, что они ошиблись. Что перепутали меня с кем-то другим. Что это всё — ужасное недоразумение.

— Это... это неправда, — выдохнула я, ощущая, как в груди сжимается невидимое железное кольцо. Боль была не физической — она шла глубже, из самой сути, будто ломала саму основу моего «я».

Мои ладони дрожали. Я прижала их к вискам, пытаюсь

унять нарастающий гул в голове. Он разрастался, становился всё громче, словно гул весеннего ветра в кронах деревьев — только не живого и радостного, а беспокойного, сбивающего с толку. Я стиснула зубы, будто могла уцепиться за свою реальность, удержать её на месте. Но она ускользала, как вода сквозь пальцы, как дым на ветру.

— Я хочу видеть их, — сказала я, стараясь говорить твёрдо, но голос всё равно дрогнул. — Сейчас. Немедленно. Где они?

Женщина-врач посмотрела на меня с бесконечной мягкостью, но в её взгляде не было согласия. Только осторожность. Только: «Сейчас не время». Только: «Вы не готовы».

— Мы пригласим их немного позже, — сказала она спокойно, профессионально спокойно. — Когда вы немного окрепнете.

От этой фразы меня пронзила дрожь ужаса.

— Позже? — воскликнула я, и голос сорвался на высокой ноте. — Позже?! Какое ещё позже?!

Как волна весенней реки, сорвавшейся с ледяных оков, паника хлынула и захлестнула меня с головой. Я не могла сдержать её, не могла остановить нарастающую истерику. Сердце колотилось так, что грудная клетка ходила ходуном.

— Вы хотите сказать... — голос поднимался всё выше, — вы серьёзно хотите сказать, что моя жизнь украдена?! — закричала я, вцепившись в простыню, как в спасательный круг. — Что я проснулась, и всё исчезло?! Пятнадцать лет жизни

просто... просто нет?!

Я задышалась. Воздух казался тяжёлым, густым, резким. Я пыталась вдохнуть полной грудью, но вместо воздуха из меня вырывались сдавленные звуки, похожие на рыдания загнанного зверя. Мои глаза метались по лицам врачей — я искала в них ответы, надежду, хоть что-то. Но находила только одно: жалость.

Жалость. Мягкую, профессиональную, но от этого не менее болезненную жалость.

— Я хочу объяснений! — закричала я, ощущая, как слова разлетаются по стенам палаты и возвращаются пустым эхом. — Что со мной произошло?! Как это возможно?! Где моя семья? Где моя жизнь?!

Сердце билось так бешено, будто пыталось вырваться из грудной клетки. Горячие слёзы катились по щекам, солёные, жгучие, но я уже ничего толком не чувствовала. Только боль. Только потерю. Только ужас от понимания, что всё, что составляло мою жизнь, исчезло.

— Где... где Вадим? — голос стал тише, более умоляющим. — Где мои дети?! Почему вы молчите?! Почему никто ничего не говорит?!

Врачи просто стояли и смотрели на меня. Осторожно. Участливо. Как на хрупкое стекло, которое готово рассыпаться от одного неосторожного слова.

Я опустила голову, больше не в силах смотреть на их жалостливые лица. Голова закружилась, и я поняла, что окон-

чательно теряю контроль над собой. Всё, что было мной, всё, что я знала и любила, всё, что составляло основу моего существования — вдруг стало призрачным, ненастоящим. Или, что ещё страшнее, исчезло навсегда.

— Это... это неправда, — прошептала я снова, но голос уже не имел никакой силы.

Слова застревали в горле, как комья земли. Разум метался, как птица, запертая в стеклянной клетке. Но выхода не было. Только страх. Не страх смерти — страх исчезновения, растворения в пустоте.

Я закрыла глаза, отчаянно цепляясь за то, что ещё осталось во мне живым.

2009 год. Лето. Знойное июльское утро. Маша учится кататься на велосипеде во дворе нашего дома. Вадим рядом, в той голубой рубашке, которая так идёт к его глазам. Он держит трехколесный велосипед, поправляет ей розовый шлем, улыбается своей особенной улыбкой — той, которую видела только я. Артём у меня на руках. Я стою на крыльце с бутылкой холодной воды и смеюсь, смеюсь от счастья, от ощущения полной, безграничной любви к этим людям.

Я видела это так отчётливо, словно это было не вчера, а прямо сейчас. Чувствовала запах цветущей сирени, слышала детский смех, ощущала тепло солнца на коже.

Но как я оказалась здесь? Почему мне говорят, что прошло пятнадцать лет, которых я не помню? Что случилось с моей семьёй, с моими детьми? С Вадимом?

Я снова открыла глаза. Палата была по-прежнему тиха. За окном царила весна: молодая зелень на деревьях, набухшие почки, солнечные пятна на стекле. Мир жил, дышал, пробуждался. А внутри меня была только гнетущая пустота, чёрная дыра на месте пятнадцати лет жизни.

— Две тысячи девятый, — прошептала я, будто заклинание, будто эти слова могли вернуть меня назад. — Но как?.. Как я здесь оказалась? Что со мной случилось за эти годы?

Я опустила взгляд на свои руки. Они всё ещё дрожали. Чужие. Незнакомые. На безымянном пальце левой руки не было обручального кольца — только бледная полоска кожи, говорящая о том, что оно когда-то там было.

— Кто я теперь?.. — выдохнула я, не ожидая ответа и боясь его получить.

И его не последовало. Только тишина, писк монитора и шелест весеннего ветра за окном.

Глава 3

Я сидел на этом грёбаном пластиковом стуле, который будто специально придумали, чтобы каждый час на нём превращался в ад. Коридор тянулся серым мертвецом, стены — как больничные простыни: выстиранные, выцветшие, холодные. Весенний свет лился в окна слишком бодро, слишком радостно, как издевательство. На улице всё цвело, набухало, дышало — а здесь всё застывшее. Как внутри меня.

Я держал себя. Как всегда. Спина ровная, руки сжаты в замок, ноги напряжены до судорог. Не шевелился. Не ёрзал. Потому что если начать двигаться — начнёшь разваливаться. А мне нельзя. Не сейчас. Не при них.

Я не видел стен. Перед глазами снова и снова — она. Светлана. Моя. Бывшая. Настоящая. Чёрт её разберёт.

Как она смотрела. Как умела молчать так, что тебе становилось хуже, чем от любого крика. Как прятала губы, когда смеялась. Как смахивала волосы с лица, злилась, когда не слушались. Эта дикая смесь нежности и ярости. Её. Моей. Женщины, которую я проебал.

Она лежит там. За дверью. Без сознания. Без памяти. Без нас.

И мне нечем крыть.

Я сижу, как шавка на привязи. Живой — но внутри всё выжжено.

Я повернул голову — взгляд упал на детей.

Маша. Артём. Соня.

Трое. Такие же сломанные, как и я.

И я, мать его, не знал, как их собрать.

Маша сидела, как будто проглотила шомпол. Прямая, как струна. Холодная. Ни слова, ни взгляда — но я чувствовал: она кипит. Злость в ней дышит. На меня? Конечно. За всё. За мать. За дом. За ту жизнь, которую я держал на ладони — и уронил, как последний идиот.

Артём рядом. Молчит. Кулаки белые. В глазах — обрывки. Метание. Он не знает, куда себя деть. Ему пятнадцать, и он уже носит на себе тень отца. Я смотрю на него — и вижу себя. Вижу всё, что хотел бы исправить. Всё, что не смогу.

А Соня...

Моя Соня.

Она жмётся к мишке, как к спасению. Её пальцы — тонкие, бледные — вцепились в плюш так, будто держат за жи-

вое.

Она — вся Света. До мурашек. До боли. До ненависти.

Я не помню, когда она в последний раз была такой маленькой. Наверное, я слишком отвлекся на работу... Соня родилась когда мы уже не были вместе... А точнее я, блядь, облажался, когда жена была беременная.

Антонина Григорьевна — мать Светы — ходит туда-сюда, как метроном. Тик-так. Тик-так.

Её каблуки стучат по кафелю, как молотки по гвоздям. Забивает ими мои нервы.

Глаза у неё не просто тяжёлые — они как плеть. В каждом взгляде: *ты ублюдок, ты предал, ты сломал мою дочь*.

И ведь да. Всё так. Я не спорю. Но сколько можно? Сколько можно жить в прошлом? Я не оправдываюсь. Я просто хочу быть здесь.

А она смотрит, будто я гниль. И, может, я и есть гниль. Только мне плевать, как она смотрит. Мне важно, чтобы Света открыла глаза. Чтоб дети не сломались и не страдали. Чтобы кто-то, хоть кто-то из нас смог дожить до завтра, не рвя себя изнутри.

Телефон завибрировал. Карман дрогнул. Я уже знал, кто.

Кристина.

Имя на экране, как ярлык: *ошибка*.

Я сбросил. Не глядя.

Она снова наберёт. И скажет своим ровным, холодным голосом:

— Вадим, ты не должен быть там. Она не твоя. Она никогда не простит.

И, сука, она будет права. Света не простит. Никогда.

Но я и не за прощением пришёл.

Я пришёл, потому что не могу иначе. Потому что они — мои. Все трое. Потому что, возможно, в этой больничной пустоте я впервые за долгие годы стал собой.

Я больше не муж. Не любовник. Не предатель. Не герой. Я просто отец. Просто мужчина, который облажался, но пришёл. И будет сидеть, пока не выгонят. Пока не откроется дверь. Пока она не вспомнит. Или хотя бы моргнёт.

Я посмотрел на Машу. Она подняла глаза. И в этом взгляде было всё, что я заслужил: гнев, обида, слёзы — и что-то ещё. Надежда? Презрение? Я уже не разбирал.

— Почему они так долго? — вдруг бросила она. Резко. В голосе — сталь, острые края.

И я только выдохнул.

Потому что это была первая фраза, что не разрывала меня.

Потому что она тоже ждала.

Потому что, чёрт возьми, мы все ещё ждали.

Её голос дрожал, но она пыталась держаться. Маленькая, упрямая, с тонкими пальцами, сжатыми в кулаки, с подбородаком, вздёрнутым на зло всему миру. Моя Маша. Моё отражение — и проклятие. Я знал, откуда у неё это. От меня. Это моя кровь. Моё упрямство. Моя ярость. Та, что делает нас живыми и ломает всех, кто рядом.

— Мне нужно знать, что с мамой! — крикнула она, срываясь, глядя не на меня, а на Антонину Григорьевну, как будто в ней был последний шанс получить хоть что-то, что не врет.

Соня всхлипнула. Тихо, как мышь. Её голосок врезался в тишину, как шепот умирающего:

— Всё будет нормально?..

Я смотрел на них троих. Мои дети. Моё всё.

И вдруг всё стало кристально ясно. Все эти годы, вся грязь, все оправдания — ничего. Всё обнулилось.

Сейчас я нужен.

Прямо здесь. Сильным. Прямым. Без истерик, без соплей.

— Она сильная, — сказал я. Жёстко. Как выстрел. — И она справится.

Но только я знал, сколько боли стоило произнести эти слова. Потому что, может быть, она больше никогда не вспомнит, кто мы для неё. Кто я.

А может — и вспомнит. И вот тогда начнётся настоящий ад.

Антонина Григорьевна повернулась ко мне. Медленно, будто поворачивалась к врагу. В её глазах — пламя. Лёд и огонь одновременно. Её губы дрогнули, потом сомкнулись в тонкую линию. И вот тогда она выдала:

— Сильная? Ты говоришь о её силе? Где была твоя сила, когда ты трахал другую, пока она глотала слёзы ночами и врала детям, что у папы много работы?

Она ударила метко. Без предисловий. Прямо в лицо.

Я выдержал взгляд. Глаза в глаза. Поднял подбородок.

И ровно, сдержанно, как будто во мне не klokотал яд, сказал:

— Я не позволю ей сломаться. Ни вам. Ни себе. Ни про-

шлому. Я не дам вам её добить. Она жива — и этого достаточно, чтобы за неё драться.

Она замолчала. На секунду. Но я знал — её слова уже поселились во мне. Змеёй. Ядовитой. Долго будут гнить внутри.

А я снова посмотрел на дверь.

За ней — Светлана. Та, что не узнает ни меня, ни нас. Та, что очнулась в другой жизни, в чужом теле, в чужой весне.

И мне нужно быть рядом. Не потому что прощение. А потому что всё остальное уже проебано. Осталось только это.

Я не знаю, сколько часов сидел в этом холле. В этом аду из серого пластика, чужих запахов и навязчивой пустоты. Я не чувствовал ног. Не чувствовал спины.

Чувствовал только гул. И эту долбаную дверь.

Когда она наконец открылась, я не двинулся. Не моргнул. Вошёл врач — молодой, но с лицом человека, который уже слишком много раз говорил: *«Мы сделали всё, что могли»*.

Я знал этот взгляд. Узнал его с порога.

— Пациентка стабильна, — сказал он.

И я замер. Прямо внутри. Сердце споткнулось. Но я не шелохнулся.

— Но... — продолжил он.

Это «но» было, как лезвие под рёбра. Острым. Медленным.

— У неё диагностирована ретроградная амнезия. Она не помнит последние пятнадцать лет.

Пятнадцать. Лет.

Как будто меня вышвырнули в никуда.

Пятнадцать лет — это не просто память. Это всё.

Жизнь.

Суд.

Измена.

Развод.

Слёзы Маши. Молчание Артёма. Соня, родившаяся, когда мы уже почти не разговаривали.

Всё это стерто.

Нас нет.

— Она помнит только период, когда ей было двадцать пять. Замужем. Двое маленьких детей. Начало.

Я медленно поднял голову. Пульс стучал в висках. Я хотел что-то сказать — но рот пересох. Голос, когда вырвался, был чужим. Хриплым.

— Она... помнит меня?

Что за дерьмовый вопрос. Конечно, помнит. Не меня. А его. Того, кем я когда-то был. До. До лжи, до Кристины, до разрухи, до падения.

Антонина тут же рванулась ко мне, как будто предчувствовала. Встала, как стена. Как мать, которая снова будет защищать свою дочь от меня, как от собаки, которая уже раз укусила.

— Только попробуй навредить ей снова, — прошипела она. — Я тебе голову оторву.

И я поверил. Она бы смогла.

Но она продолжила. Жёстко, как всегда:

— Ради детей — играй роль. Притворяйся. Делай вид, что вы всё ещё семья. Хочешь или нет — не важно. Надо.

Я поднял на неё глаза. Без эмоций. Холодно.

— Думаете, мне нужно напоминать? Думаете, я забыл, как это — быть её мужем? И перестаньте орать! Я сам знаю, что мне делать!

Она отступила. На полшага. Но глаза не опустила. Упрямая. Такая же, как Света.

И я снова остался один.

Один — со всем, что натворил.

И с её памятью, в которой меня больше нет.

— Её психика сейчас слишком уязвима, — сказал врач. Голос у него был ровный, как у человека, читающего инструкцию от стиральной машины. Ни эмоций, ни пауз. Только этот его блядский профессионализм, которым он пытался заклеить дыру в том, что происходило. — Если вы попытаетесь рассказать ей правду... о разводе, о том, что прошло пятнадцать лет, — её состояние может резко ухудшиться.

Я молчал. Скрестив руки на груди. Вцепившись в них так, будто пытался не развалиться по частям. Смотрел на него долго и тяжело, пока не увидел, как его глаза на мгновение дрогнули. Этот человек только что предложил мне сыграть спектакль. Вернуться в прошлое, в котором я больше не существую. Стать тем, кем я давно не был. Мужем. Любимым. Защитником. Хотя, по факту, я был последним, кто имел на это право. Я предал её. Я похоронил нашу жизнь своими же руками. А теперь, по мнению врача, мне нужно прикинуться, что ничего не произошло, и подарить ей... стабильность.

— Ей нужно ощущение семьи, — добавил он, выдержав театральную паузу. Как будто я тупой. Как будто я не понял. — Стабильности. Тепла. Поддержки.

Семьи.

Слово прозвучало, как плевков. Как издевка.

Я сжал зубы. Антонина Григорьевна стояла рядом. Руки сцеплены, пальцы белые. Смотрела на меня, будто сейчас врежет. Не словами — кулаком. Я чувствовал, как от неё тянет ледяным презрением. Она меня ненавидела. И, честно? Имела право. Я не прятался. Я всё знал. Всё помнил. Всё чувствовал. И всё равно стоял здесь. Потому что Света была там. Потому что это были мои дети. Потому что мне больше некуда.

— Как долго? — спросил я. Холодно. Глухо. Без эмоций. Как будто я — это уже не я, а механизм, запрограммированный на терпение.

— Неизвестно. Недели, месяцы. Всё зависит от организма, от того, как она будет реагировать. Но мы точно знаем: её нельзя шокировать. Ни в коем случае. Резкие эмоции, стресс, конфликт — это может вызвать осложнения. Или инсульт.

Я кивнул. Снаружи — ровно. Внутри — взрывной отсчёт. Всё пульсировало. Всё рвалось наружу. Но я держал себя. Потому что нельзя. Потому что я мужчина. Потому что если я дам слабину — пиздец всему.

— Ты слышал, что он сказал? — прошипела Антонина Григорьевна, обернувшись ко мне. Её голос был острым, как нож, а взгляд — как гвоздь в висок. — Не смей. Не смей сделать ей больно. Она не переживёт ещё одного удара. Тем более от тебя!

Я поднял на неё глаза. Медленно. Спокойно. Но так, что

воздух между нами сжался. И ледяным, выверенным тоном, без одного колебания, ответил:

— Не учите меня, Антонина Григорьевна. Не вы. И не сейчас. Я не для того сюда пришёл. Развод был. Ошибки — до хрена. Но я здесь. Потому что это... моя женщина. Мои дети. Моя ответственность. Хотите вы того или нет.

- Не твоя женщина! Запомни – не твоя!

- Хватит!

Она открыла рот, но я шагнул ближе. Её глаза на секунду дрогнули — она не ожидала.

Я не кричал. Но это было жёстче любого крика.

— Я останусь. Поняли? Останусь. И разберусь. Не ради вас. Ради неё. Ради тех, кто сейчас сидит за этой стеной и не понимает, что, чёрт возьми, происходит с их матерью.

Я повернулся к врачу. Он прижался к планшету, как к щиту.

— Хорошо. Нельзя шокировать? Не буду. Буду вести себя как примерный муж. Как тот, кого она помнит. Но если вы хотя бы на йоту ошибётесь... если ваша терапия даст сбой... если из-за этого её состояние ухудшится — я буду первым, кто с вас спросит. Я ясно выражаюсь?

Он кивнул. Глотнул воздух.

А я снова посмотрел на дверь.

Притвориться её мужем. Вернуться в роль, которую сам

похоронил десять лет назад. Заново надеть на себя маску, от которой меня тошнило.

Я думал, что сжёг всё. До пепла. Что больше не чувствую. Что можно жить дальше.

А теперь...

Я стоял на краю. Перед этой дверью. И знал: за ней женщина, которая помнит меня. Но не *меня*. А того, кем я был до лжи. До измен. До ошибок. Того, в кого она верила. Того, кого она любила. Того, кто когда-то поклялся, что никогда не предаст.

Я выдохнул. Глубоко. Сквозь зубы.

Провёл рукой по лицу. Пальцы дрожали. Ладонь была холодной.

Соберись, Вадим. У тебя нет права сдать.

Ты не для того пришёл.

Ты — её прошлое.

А теперь, по иронии, ты снова стал её настоящим.

Глава 4

Его слова должны были меня успокоить, но вместо этого вызвали странное чувство. Слишком гладко. Слишком правильно.

— Почему я ничего не помню? — мой голос сорвался.

Вадим сделал шаг ко мне, его взгляд стал мягче, но он по-прежнему держался на расстоянии.

— Светлана, ты только что пережила аварию. Это всё... временно. — Его слова звучали уверенно, но я заметила, как он чуть напрягся.

— Но почему я чувствую... — я замолчала. Как сказать ему, что внутри меня что-то разрывается? Что я не могу понять, кто я, кто он? Почему его присутствие вызывает во мне то тепло, то холод?

Вадим вдруг присел на край кровати, его движения были медленными, словно он боялся меня напугать.

— Всё будет хорошо, — сказал он. — Я здесь. Я с тобой.

Его слова звучали так убедительно, что я на секунду поверила. Но потом внутри снова поднялся этот странный страх.

Кто я? Кто он теперь? И что мы для друг друга?

Я почувствовала, как моя ладонь сама собой потянулась к его руке. Её касание было таким знакомым, но в то же время чужим. Как будто моё тело помнило больше, чем я.

— Вадим... — я снова произнесла его имя, как будто оно могло стать ответом на все мои вопросы. — Дети... где они?

Его взгляд на мгновение опустился, и я заметила, как его пальцы чуть дрогнули.

— Они здесь, — сказал он мягко. — За дверью. Ждут.

Я судорожно вдохнула.

— Они... в порядке?

Он кивнул.

— Да, конечно. Они переживают, но... они сильные, как и их мать.

Я попыталась улыбнуться, но внутри всё скручивалось от напряжения. Я вспомнила Машу и Артёма. Я помню, как они были ещё такими маленькими. Как трёхлетняя Маша училась кататься на велосипеде, а Артём, совсем крошечный, полугодовалый младенец, лежал в коляске и агукал, наблюдая за сестрой.

— Им ведь... уже не три года и полгода, да? — тихо спросила я, чувствуя, как ком подступает к горлу.

Вадим посмотрел на меня пристально, словно пытаясь понять, как лучше ответить.

— Маша уже взрослая, ей восемнадцать. Она... — он сделал паузу, подбирая слова. — Она сильная. Иногда даже слишком.

Восемнадцать. Боже мой. Как это возможно?

— А Артём? — мой голос дрогнул.

— Ему пятнадцать. Он... умный парень, такой же упря-

мый, как ты, — в его голосе мелькнула тёплая нотка, но я видела, что за ней скрывалась тревога.

Я закрыла глаза, пытаюсь представить их. Восемнадцать и пятнадцать. Я даже не знаю, какие у них лица.

— А... младшая? — вырвалось у меня, прежде чем я успела осознать, что говорю.

Вадим замер. Я открыла глаза и встретила с его взглядом. Он был удивлён, но быстро это скрыл.

— Ты помнишь? — спросил он осторожно.

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как по спине пробежал холод. — Но... я просто... почувствовала что-то. Как её зовут?

Вадим тихо выдохнул, опустив плечи.

— Соня. Ей одиннадцать.

Одиннадцать? Она младше Артёма и Маши, она... Она родилась позже. После того времени, которое я помню.

— Я её не помню, — мой голос сорвался.

— Это нормально, Светлана, — сказал он. Его голос был ровным, но в глазах я увидела что-то похожее на боль. — У вас с ней особенная связь. Она... знает, что ты её любишь.

Я сжала руки так сильно, что почувствовала, как ногти впиваются в ладони.

— Она меня знает. А я её нет. — Слова вышли почти шёпотом.

Вадим наклонился ближе, но не тронул меня. Просто посмотрел.

— У тебя будет время, чтобы всё вспомнить. Она ждёт тебя.

Я кивнула, но ощущение чуждости росло. Я знала, что у меня трое детей. Но сейчас эти трое казались мне незнакомцами, чьё существование я должна принять на веру.

— Она... как она выглядит? — спросила я.

— Похожа на тебя, — сказал он, и на его лице появилась слабая улыбка. — Те же глаза, те же жесты. Иногда я смотрю на неё и вижу в ней тебя.

Я почувствовала, как слёзы подступают к глазам.

— Она любит меня?

Вадим не сразу ответил. Он чуть отклонился назад, снова став таким собранным и сдержанным.

— Очень.

Я закрыла глаза, чтобы скрыть свои эмоции. Одиннадцать лет. Я не видела её первые шаги. Не знаю, как звучит её смех.

— Ты думаешь, она испугается меня? — спросила я, боясь услышать ответ.

— Нет, — твёрдо ответил Вадим. — Соня... она чувствует, что ты здесь. Знает, что ты её мама. Это не изменилось.

Но я знала, что изменилось. Всё.

— А ты? — внезапно спросила я, не понимая, почему сказала это. — Ты изменился?

Он поднял глаза на меня, и его взгляд вдруг стал тяжёлым, как свинец.

— Светлана, — произнёс он тихо, но твёрдо, — сей-

час важно только то, что ты здесь. Мы разберёмся со всем остальным позже. Вместе.

Я не знала, что он имел в виду. Не знала, где ложь, а где правда. Но в этот момент мне хотелось верить. Хотелось удержаться за эту иллюзию, чтобы не упасть в пропасть, которая разверзлась подо мной.

— Пусти их ко мне, — наконец сказала я. — Пусти детей.

Вадим медленно кивнул, поднялся и направился к двери. Но перед тем, как выйти, он задержался на пороге и тихо произнёс:

— Они гордятся тобой, Светлана. И они тебя любят.

Я кивнула в ответ, не находя слов.

А внутри меня разрывалось что-то невидимое... Было кое-что, что слегка насторожило. Да, он здесь. Но он не обнял меня, не поцеловал, не взял за руку. Никакого физического контакта. Может я страшная и... у нас уже нет секса? Ужас... Зачем я сейчас об этом думаю!

Дверь медленно открылась. Я затаила дыхание, чувствуя, как грудь сжимает невидимой рукой. Мои пальцы мёртвой хваткой вцепились в простыню, как будто это могло удержать меня от падения в бездну.

Сначала я слышала шаги. Лёгкие, робкие, а затем чуть более уверенные. Шум приглушённых голосов и шёпот, который оборвался, как только они вошли.

Я подняла глаза и увидела их.

Маша.

Я узнала её сразу. Высокая, стройная, с длинными тёмными волосами, аккуратно заплетёнными в косу. Она стояла ближе всех, будто закрывая собой остальных. Её лицо было знакомым и чужим одновременно. Угловатые детские черты исчезли, уступив место строгому взгляду и подчёркнутым скулам. Она была красивой. Такой красивой. Но её глаза... Эти глаза смотрели на меня так, будто она ждала чего-то страшного.

"Ей восемнадцать," — пронеслось в голове.

Ещё вчера ей было три. Она бегала по кухне с игрушечной куклой, смачно целовала меня в щёку своими липкими от варенья губами и смеялась так заразительно, что я чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете. А теперь передо мной стояла взрослая девушка с напряжённым лицом, и я не знала, как заговорить с ней.

— Маша... — выдохнула я.

Её губы дрогнули, но она ничего не сказала.

Мой взгляд скользнул дальше.

Артём.

Он был таким же высоким, как Маша, возможно, даже выше. Широкие плечи, короткие светло-русые волосы, серьёзный взгляд. В нём не осталось и тени того крошечного малыша, которого я помнила. Того полугодовалого младенца, который только-только начинал сидеть и тянул ко мне ручки, когда я наклонялась над его кроваткой.

Сейчас он стоял, сунув руки в карманы, глядя на меня ис-

подлбья. Я заметила, как его челюсть сжалась, как он старался не показывать эмоции, но его напряжение ощущалось даже через всю комнату.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли в горле.

И тут я увидела её.

Глава 5

Младшая.

Она стояла за Артёмом, чуть прячась за его спиной. Маленькая, худенькая, с длинными тёмными волосами, которые свободно падали на плечи. Её глаза — мои глаза, голубые, огромные — смотрели на меня с какой-то настороженной надеждой.

"Соня," — пронеслось в голове, и от этого имени у меня перехватило дыхание.

Я не знала её. Я не помнила её. Она была для меня чужой, но в то же время... она была моей.

Моей дочерью.

— Здравствуйте, — вдруг прошептала она, её голос был таким тихим, что я едва слышала.

Мой мир рухнул.

Я не могла сдержать слёз. Они хлынули, как ливень, обжигая щеки, срываясь на губах. Я закрыла лицо руками, пытаясь подавить этот поток, но было уже поздно.

— Простите... — вырвалось у меня. — Простите меня...

Маша была первой, кто двинулся ко мне. Её шаги были быстрыми, но неуверенными. Она подошла, опустилась передо мной на колени и осторожно взяла меня за руку.

— Мама... — сказала она тихо, её голос дрогнул.

Мама.

Я посмотрела на неё через пелену слёз.

— Маша... — прошептала я. — Ты такая взрослая. Я... я пропустила всё.

Её глаза наполнились слезами, но она быстро моргнула, стараясь их скрыть.

— Ты ничего не пропустила, — сказала она твёрдо. — Ты здесь. Это главное.

Но это было неправдой. Я пропустила всё.

— Артём... — я повернула голову к нему, и он, наконец, сделал шаг вперёд.

— Привет, мама, — сказал он тихо. Его голос был низким, мужским, но в нём всё ещё был тот мальчишеский оттенок, который я помнила.

— Ты такой... взрослый, — проговорила я, пытаюсь улыбнуться, но моя улыбка дрожала.

Он кивнул, но не подошёл ближе.

И снова я посмотрела на неё. Соню.

Она не двигалась. Просто смотрела на меня своими огромными глазами, будто боялась, что я исчезну, если она сделает хоть шаг.

— Соня... — моё сердце сжалось. — Иди ко мне, пожалуйста.

Она нерешительно сделала шаг вперёд, потом ещё один. Её маленькие руки сжимали подол платья, как будто она искала в нём опору. Когда она оказалась достаточно близко, я

протянула к ней руку.

— Привет, — сказала я, стараясь говорить мягко, чтобы не напугать её.

Она замерла, а потом вдруг быстро бросилась ко мне, обняв меня так крепко, что я на мгновение потеряла дыхание.

— Я знала, что ты вернёшься, — прошептала она, уткнувшись лицом мне в плечо.

Моё сердце разрывалось.

Я обняла её, чувствуя, как по моим щекам текут новые слёзы.

— Прости меня, милая, — прошептала я. — Прости, что не помню...

Соня подняла голову, её глаза блестели от слёз, но она улыбалась.

— Это неважно. Ты — моя мама.

И в этот момент я почувствовала, что всё, что я должна была сделать, — это просто быть здесь. Для них. Для всех троих.

Глава 6

Она нерешительно сделала шаг вперёд, потом ещё один. Её маленькие руки сжимали подол платья, как будто она искала в нём опору. Когда она оказалась достаточно близко, я протянула к ней руку.

— Привет, — сказала я, стараясь говорить мягко, чтобы не напугать её.

Она замерла, а потом вдруг быстро бросилась ко мне, обняв меня так крепко, что я на мгновение потеряла дыхание.

— Я знала, что ты вернёшься, — прошептала она, уткнувшись лицом мне в плечо.

Моё сердце разрывалось.

Я обняла её, чувствуя, как по моим щекам текут новые слёзы.

— Прости меня, милая, — прошептала я. — Прости, что не помню...

Соня подняла голову, её глаза блестели от слёз, но она улыбалась.

— Это неважно. Ты — моя мама.

И в этот момент я почувствовала, что всё, что я должна была сделать, — это просто быть здесь. Для них. Для всех троих.

Я стоял в коридоре больницы, как в клетке. Стены давили. Воздух не лез в грудь — будто внутри распяли, и каждый вдох отдавался гвоздём под рёбра. Только что из палаты вышли дети. Мои. Наши. И я даже не знал, как на них смотреть. Соня — бледная, как снег весной, вцепилась в подол кофты, будто в него можно было спрятаться. Маша — холодная, собранная, почти каменная. Артём... чёрт, Артём весь сжался в пружину, будто одно слово — и он взорвётся.

Тишина между нами была не пустотой. Это была натянутая струна. Жгучая. Режущая. И я чувствовал, как мы все стоим над пропастью — на ней.

— Значит, вы решили? — выдохнул я, хрипло, резко, сжав кулаки, чтобы не швырнуть кулаком в стену. — Решили молчать?

Маша сложила руки на груди. Спокойная. Уверенная. Только глаза у неё колючие — мои.

— Она ничего не вспомнит, если мы сразу вывалим всё, — сказала она твёрдо, но я услышал, как дрогнул её голос. Сомнение. Она не знала. Никто из нас не знал.

Артём хмыкнул. Засунул руки в карманы. Нахмурился.

— Лучше для кого? — пробормотал он, не глядя на меня.

Но я чувствовал его взгляд — будто нож под рёбра.

— Артём! — бросила Маша. В голосе — остро. Но он не

заткнулся.

— Что? — огрызнулся он, глядя мне в глаза. — Может, ты скажешь, что это нормально? Притворяться, будто всё в порядке, будто ты не предал её, не ушёл, не оставил нас в дерьме, а теперь играешь семью?

Я шагнул ближе. Медленно. Сцепил зубы так, что челюсть свело.

— Артём. Хватит, — сказал я низко. Голос был как металл. Не крик — хуже. В нём было всё, что я не сказал.

— Думаешь, я хочу врать ей? Думаешь, я получаю удовольствие от этого балагана?

Он отшатнулся. Не испугался — отгородился. Защитная реакция. Всё правильно.

Я видел это. Видел в его глазах свою злость, своё разочарование, своё "где ты был, когда мать плакала ночами".

— Нам всем сейчас невыносимо, — сказал я тише. Жёстко.

— Но есть только одна правда: если мы скажем ей всё сейчас, она может не выдержать. Её психика на грани. Один толчок — и всё. В бездну. Поняли?

Артём скривился.

— Ты говоришь, будто знаешь, что для неё лучше.

— А ты, придурок, знаешь?! — рявкнула Маша, и я вздрогнул. Редко она так. Редко — но метко.

— Ты хочешь, чтобы мама снова рухнула? Прямо на глазах? Чтобы это было не её восстановление, а похороны памяти?

— Хватит. — Мой голос взрезал воздух. Они оба замолчали.

В глазах у Маши — слёзы. У Артёма — ярость. И боль. Такая боль, что самому захотелось выть.

Я повернулся к Соне. Она стояла у стены. Тихая. Маленькая. Её плечи дрожали.

Моя девочка. Моя самая нежная боль.

— Мы будем делать то, что нужно. — Я смотрел на них обоих. — Не то, что хочется. Не то, что кажется честным. А то, что нужно, чтобы мать ваша жила, а не ломалась. Ей сейчас не нужен шок. Ей нужна семья.

Маша кивнула. Артём отвёл взгляд.

— Я не буду ей лгать, — прошептал он. Но больше ничего не добавил.

Я хотел сказать что-то ещё. Но в этот момент в кармане завибрировал телефон.

Я уже знал, кто это. Даже смотреть не надо. Имя горело на экране, как ярлык на позоре.

Кристина.

— Идите домой, — бросил я, резко, как приказ. — Я сам разберусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.